

ТОЧНОЕ НАЗВАНИЕ

«Сидя за торжественным столом во время проводов на учёбу в академию ВВС, Игорь узнал, что необходимо прикрыть группу штурмовиков Ил– 2 и на это опасное задание летит необстрелянный лётчик, что только что прибыл из училища. Без лишних слов сняв парадный китель, он сел в свой Ла– 5 и в скоротечном бою вогнал в землю очередной немецкий истребитель. Сбил и поехал учиться. В этом был весь Игорь Шардаков!»

Дважды Герой Советского Союза, генерал– лейтенант авиации Виталий Иванович Попков.

За дальним столом в Доме Кино сидели два немолдых, но восхитительно моложавых человека, в абсолютно одинаковых, словно одной мамой для братьев-близнецов купленных, клетчатых рубашках. Оба-два подвижные, коренастенькие. Головы соприкоснулись непослушными тёмными шевелюрами с седыми порошинками, с лукавым разрезом нагловато-смешливые глаза бегло стреляют по раскрытым книгам, газетным вырезкам и фотоальбомам.

Обоих знает вся страна. Один – храбрый Алёшка из «Добровольцев» и хохмистый Максим Перепелица из одноименного фильма. Леонид Быков! Второй – ас из асов, лётчик-истребитель Виталий Попков, дважды Герой Советского Союза. Тот и другой – в своем роде Мастэро!

Подружились они еще в 50-х, хлопнув друг друга по плечу. Быков загорелся историей легендарного 5-го Гвардейского авиаполка, сулился снять фильм про ге-

роев-лётчиков, а Попков обещал помочь. И вот Госкино дало добро, дело оставалось за малым – сценарий и подбор актеров. Но главное – название! Фильм как корабль: как назовешь, так и поплывет к сердцам зрителей...

– «Гвардейцы в воздухе»! Сильно? – сверкнул очами Попков.

– Не, Виталя, как-то казённо и пафосно, будто заголовков с передовицы слизал, – поморщился Быков. – Мы же не только про войну кино делаем – про жизнь, про музыку, про любовь, в конце концов! Может, «Полёт с песней» или «Крылатый ансамбль»?

– «Поющая эскадрилья» или нет, ещё лучше – «Вторая поющая»! Каково звучит, а?

– Ага, ты наших зрителей, верно, не знаешь. Быстро переименуют на «Вторую пьющую», благо фантазировать не надо – только букву сменить.

– Ну и что? Мы не безгрешными архангелами по небу летали, всякое бывало – и выпивали изредка, чего греха таить. Особенно за Победу!

Быков, что-то бормоча и напевая под нос, рассматривал полковой фотоальбом. Вдруг он, поплевав на пальцы, лихорадочно пролистал несколько страниц назад и, ткнув карандашом в чёрно-белый снимок, спросил Попкова:

– А это кто?

– Это-то? Игорёша Шардаков – корешок мой, отличный ас, Герой Советского Союза. Три десятка фрицев, если считать официально, в землю вогнал, а неофици-

ально – так раза в два больше, как и у всех нас. Разведчик от Бога – соколиный глаз. Что еще?

– Да я не об этом. Ты глянь – голливудская фактура! Взгляд, осанка, порода!

– Да, парень видный, все девки по нему сохли, но он как Китайская стена – холоден и неприступен. У него же Наденька была. Вот та уж точно красавица и героинская дивчина ему под стать. У самого сына «отца народов» Васи Сталина отбил, как никак...

– Какие девки?! Да если б он артистом был, перед ним бы всякие Мерлин Монро и Софи Лорен ниц падали, ради его благосклонной улыбки за волосы бы друг дружку таскали и шары выцарапывали! К тому же – герой настоящий, не киношный! А ведь все их Брандо да Иствуды – стилиаги женоподобные, мажорики, по сравнению с ним!

– Так он, если разобраться, и сам артист, не хуже этих. Скорее это он – Маэстро, не я...

– Тоже пел?

– Что ты! Ещё как! Наш солист – лучший тенор 1-го Украинского! Гитару обнимет и пошёл:

– Ніч яка місячна, зоряна, ясная!
Видно, хоч голки збирай.

– Он что, хохол, что ли?

– Да не, природный русак! С Урала. Но песни украинские любит – он в Крыму жил...

– А Крым-то не так давно и украинский... Так может снимется у нас? А что, худсовет утвердит – всё ж герой, не хухры-мухры... У меня Смирнов играть будет – всю войну прошел, чертяка. И другие...

– Нет, даже не пробуй уговаривать. Застенчив, как тургеневская барышня. Люди думали, что зазнайка, а он просто от природы скромнящий. Такой вот парадокс! Лучше меняними, Лёнь!

– Не, брат, нам двоим на одной плёнке тесновато будет... Но парня этого будем делать! Есть у меня один актер из Киева. С гнильцой, правда, парниша, но в кадре – орёл. И на твоего Шардакова, как две капли воды, похож. Расскажи-ка мне о своем кореше поподробнее...

***

...Игорь захлопнул дневник и посмотрел на циферблат командирских часов – близилось мартовское утро с жидким туманом, который через пару часов будет рассеян винтами моторов взлетающей в небо «второй поющей» эскадрильи. Его эскадрильи...

Летчики 5-го Гвардейского просыпались без побудки: знали, что сегодня замкомполка Шардаков будет в последний раз ставить им задачу. Потягиваясь на ходу и изображая незамысловатую физзарядку, организованной толпой пилоты брели мимо Игоря к столовой, где их ждало прощальное застолье. «Желторотики» почтиительно козыряли, «старики» – улыбались и подмигивали. Здоровкались из положения «вольно» – им можно, к чёрту субординацию...

И вот уже сидят они за длинным рядом столов, раскулаченных на окрестных фольварках¹. Причёсанные,

---

¹ Фольварк (*диалект.*) – хутор, обособленное поселение

прихорошившиеся: форма вычищена, ордена блестят – можно свет не включать! Но куда им до Игоря... Вот и он входит под аплодисменты и разнобойное пиликанье губных гармоник. Настоящий красавец, ему бы в кино сниматься! Брюки – в стрелку, нарядный китель сидит на его ладной фигуре как влитой. Справа – гвардейский значок, слева – Звезда Героя, орден Ленина и целых три – Красного Знамени – высшей боевой награды, самой почётной у лётчиков. Много это или мало? Для любого из присутствующих – иконостас, а для Игоря – считай, поскупились. «Но мы в огонь и дым идём не для наград...» Игорь снял фуражку – волнистые волосы аккуратно зачёсаны назад (и чем он их только моет?). Ревниво огляделся – все ли пришли? Все-е! Не по долгу, а из уважения. Улыбнулся широко – и-и-и....:

– От винта!

– Есть – от винта! – ядрёно гаркнули пилоты, что аж испуганный кот с лавки упал.

Зазвенели разнокалиберные бутылки с разноцветным содержимым. Сомкнулись в тостах стаканы, трофейные рюмки и солдатские кружки – что кому досталось:

– Будь здоров, Саныч!

– Гляди, учись на пятёрки и веди там себя хорошо, а то Батю к директору вызовут!

– Спасибо за всё, товарищ гвардии капитан! Никогда вас не забуду!

– За Победу, Шардаков! За Победу! За Победу! За Победу, товарищи! – поочерёдно вставали офицеры и

звонко чокались, расплёскивая вино. – Смерть фашистам!

– За Победу, родные мои! – едва не прослезился Игорь. – Летать с вами – честь для меня! Будем жить!

Он сделал для Победы много, ничего для неё не жалел и не берёг, но понимал, что Гитлера разобьют уже без него. И развалинами рейхстага будут любоваться вот они – Виталик Попков, Жора Баевский, Саня Пчёлкин. И даже «желторотики», что сейчас, за столом, под взглядами начальства деланно скромно отворачиваются от выпивки и налегают на нехитрую закуску... Когда торжественная часть закончилась и от объятий и хлопков по плечам у Игоря приятно ныло тело, начштаба полка предложил:

– Чтобы не терять время, задачу на сегодня объявлю прямо здесь, если Игорь Саныч не против. Слушай боевой приказ! Противник закрепился в районе Баутцена. Полк Ил-2 проводит штурмовку передовых позиций, опорного пункта и второго эшелона линии обороны. Мы поддерживаем двумя эскадрильями. Первая – прикрывает, «поющая» – атакует. Вылет через 15 минут. Вопросы?

– Ясно, как всегда! – ответил комэск-2. – Но у нас Саша Мастерков не может лететь. Самолёт неисправен: повреждены шасси.

– Подлечить не успеете? Тогда его заменит лейтенант Александров!

На дальнем конце стола, едва не поперхнувшись хлебной коркой, вскочил долговязый юноша в нескладной гимнастёрке и радостно крикнул:

– Есть!

Лётчик совсем недавно прибыл в полк из училища, дни считал – очень боялся, что не успеет повоевать. Щёки у него зарумянились от гордости и волнения – всё-таки первый боевой вылет!

Но радость его оказалась преждевременной.

– Как так, он же ещё совсем желторотый? Рано ему! – чётко проговорил Игорь и, не слушая возражений, начал снимать китель. – Там же такая каша будет – я полечу! Успеешь ещё, Александров, на твой век «фоккеров»² хватит...

Повесив китель на спинку стула, он решительно произнес:

– На данную минуту я всё ещё замкомполка! Слушай приказ и делай как я: «желторотиков» не берём, в бой идут одни «старики», как в старые добрые времена!

И, не дожидаясь сигнала ракеты, побежал к своему бывшему самолёту, на котором техники, ожидая нового хозяина, уже закрашивали на фюзеляже 25 звёздочек – память о сбитых Игорем фрицах...

На беззащитные сзади и сверху ИЛы, как мыши на бесплатный сыр, из серых туч вынырнули тупоносые «фокке-вульфы» – исподтишка, нагло. Первым их заметил орлиный глаз Шардакова. С высоты он стремительно приближался к головному ФВ-190, пилот которого вот-вот хотел открыть огонь по «ИЛам». По сложившейся привычке, Игорь пёр на немца до тех пор, пока его

---

² Фóккер – самолёт нидерландской авиастроительной фирмы, состоявший на вооружении Германской армии

машина полностью не затмит перекрестие прицела. Это чтоб наверняка! Скупая очередь – и «фоккер» с оторванным крылом причудливо закувыркался на пути к земле. Остальные стервятники разлетелись врассыпную, словно тараканы от тапка – не тот уже пошёл фриц, жидковат против 5-го Гвардейского...

– Официальный двадцать шестой! – резюмировал Игорь результаты боя. – И этот уж точно последний!

Или все-таки – крайний? Ведь летчики – народ суеверный...

***

– Ну вот как-то так, что ещё рассказывать? Он и сам, Лёня, расскажет, если я попрошу.

– Что ж ты раньше молчал, дурья башка? Если он такой герой, то сценарий мы переделаем... Постой-постой, как он сказал в конце?

– Кто?

– Да этот Шардаков ваш, что-то про «желторотых» и «старичков»....

– А я помню, что ли? Типа «полетят только «старики». Так у нас еще Батя командовал перед опасными вылетами...

– «В бой идут одни «старики»! – победно вскричал Быков. – Гениально! Вот и нашлось название. Вот теперь – от винта!